

DOI 10.22455/2619-0311-2019-1-218-221

УДК 801.731+82.2+821.161.1

ББК 83+8533+83.3(2=411.2)

Татьяна Касаткина

**«Я люблю тебя, жизнь...»:
«Карамазовы» Константина Богомолова**
(рецензия на спектакль)

Tatyana Kasatkina

**“I Love You, Life...”: “Karamazovs”
by Konstantin Bogomolov**
(Stage Play Review)

Об авторе: Татьяна Александровна Касаткина, доктор филологических наук, председатель комиссии по изучению творческого наследия Ф.М. Достоевского научного совета «История мировой культуры» РАН, зав. центром «Ф.М. Достоевский и мировая культура» ИМЛИ им. А.М. Горького РАН.

E-mail: t-kasatkina@yandex.ru

Для цитирования: Касаткина Т.А. «Я люблю тебя, жизнь...»: «Карамазовы» Константина Богомолова (рецензия на спектакль) // Достоевский и мировая культура. 2019. № 1(5). С. 218-221.

DOI 10.22455/2619-0311-2019-1-218-221

About the author: Tatyana A. Kasatkina, Doctor of Philological Sciences, Head of the Research Committee for Dostoyevsky’s Artistic Heritage within the Scientific Council for the History of World Culture RAS, Head of the Centre “Dostoevsky and World Culture” at the Gorky Institute of World Literature RAS.

E-mail: t-kasatkina@yandex.ru

For citation: Kasatkina T.A. “I Love You, Life...”: “Karamazovs” by Konstantin Bogomolov (Stage Play Review). *Dostoevsky and World Culture*. 2019. № 1(5). Pp. 218-221.

DOI 10.22455/2619-0311-2019-1-218-221

Я, наконец, сходила на богомоловских «Карамазовых». Аспирантка моя подарила мне два билета на день рождения – ну, мы с ней вместе и ходили. Она, впрочем, уже во второй раз. Первое и грандиозное впечатление – это, конечно, актеры. Фёдор Павлович Карамазов – Игорь Миркурбанов, Иван Фёдорович Карамазов – Алексей Кравченко, Смердяков и Зосима – Виктор Вержбицкий. Эта троица легко могла бы сделать спектакль в отсутствие всех остальных. На любого из них можно просто смотреть – и такие сцены для каждого режиссером предусмотрены – просто смотреть, как он сидит, молча, почти не шевелясь, – а его персонаж живет мощнейшей жизнью, не то чтобы «интеллектуальной» там или еще какой – а совокупной, полной, полнейшей: в груди и голове вращаются миры и ворохается хаос. И встреча каждого из этих актеров с собственно текстом Достоевского (там, где он не искажен и не «подправлен» в сторону своего разумения режиссером) – происходящее на глазах зрителя событие космического масштаба.

У режиссера есть две сильные, ключевые находки. Игорь Миркурбанов, играющий и Федора Павловича, и черта из кошмара Ивана Карамазова, и Виктор Вержбицкий, играющий и Зосиму, и Смердякова. Черта до сих пор делали двойником Ивана – но в романе Иван прямо обозначен как сын, наиболее похожий на Федора Павловича. И Богомолов эту простую, очевидную и несомненную – после предъявления, конечно, – двухходовку отследил и обыграл. Федором Павловичем, любящим жизнь и мовешек, ангела и цыплёночка (и – ангела *как* цыплёночка), спектакль начинается, – чертом, агрессивно исполняющим «Я люблю тебя, жизнь», заканчивается. Когда черт поет «и вершина любви – это чудо великое – дети» – после просмотренной зрителем богомоловской истории о семейке Карамазовых как пауках, запертых в одной банке и пожирающих друг друга, начиная с отца своего, – это звучит. Да. Разрывая шаблон, звучит. Почти как у Достоевского.

Зосиму и Смердякова режиссер дополнительно связал сказанным о Зосиме – «смердит». У Достоевского так не сказано (у него будет и «провонял» и «тлетворный дух» – а этого не будет) – а у Богомолова сказано. Таким образом проведена жирная черта, соединяющая персонажей; проведена там, где ее не было. Сближение было – а неразрывной связи – не было. У Достоевского получались как бы расходящиеся лучи – у Богомолова сходящиеся. У Достоевского за счет этого – ОГРОМНЫЙ размер человека, от старца до

Смердякова. У Богомолова – совсем небольшой человеческий размер, поскольку что Смердяков, что Зосима.

Интересно, что этим «смердит» Смердяков у Достоевского связан ведь с историей Лазаря, о котором прямо сказано: «уже смердит; ибо четыре дня, как он во гробе» (Ин 11: 39). Достоевский как бы локализует Смердякова в истории Лазаря: Смердяков – это Лазарь, застрявший в своем «смердит». Подсоединенный режиссером Зосима, проходя и эту точку в истории Лазаря тоже, мог бы заполнить собой весь остальной объем истории – включая воскресение, и заодно вывести Смердякова из его точки, из его «отдельного и закрытого места», из его прижизненного гроба, раз уж роли их объединены одним исполнителем. Но вот получается наоборот: у Достоевского заполняет, а у Богомолова – нет, у него – схлопывается. Получается, в этой связке перетянул Смердяков.

Соответственно этому изменившемуся размеру человека меняется и все представленное пространство мироздания. И Алеша изрыгает проклятия на обидчиков (вещь, невообразимая у Достоевского – но неизбежная у Богомолова ввиду сузившегося размера человека) – а после того, как чистый младенец (у Богомолова – древний младенец) проклинает мир, уж точно актуальна остается только паучья жизнь. Такая вечно-брачная жизнь пауков, пожирающих друг друга после, да и в процессе совокупления, собственно и составляет почти весь второй акт (по мне – так излишне затянутый; но, может, режиссер и имел в виду показать неизбежную *скуку* этих многочисленных *пикантных* происшествий). Вспоминается тут Митеньки Карамазова пожелание: «слишком широк человек – я бы сузил». Ну, вот – режиссер и сузил. Имел право...

Творец происшествий – черт. Он об этом в третьем акте подробно расскажет. Эти происшествия – и есть, по его, жизнь. Черт говорит: «Я требую себе уничтожения, а мне говорят – оставайся, иначе не будет никаких происшествий». Этому аргументу черта поверило немало философов. А режиссер просто показал жизнь, сведенную к масштабу происшествий. Жизнь, заверченную кругом неизбежного возвращения (как жутко звучит «всё опять повторится сначала» в песне, представляющей собой гимн жизни в очерченных в спектакле масштабах). И оказался на стороне Достоевского. Не думаю, чтобы невольно.

Его ведь и зовут Константин Богомолов. Что означает «вечно/ неизменно/непрестанно/постоянно молящий Бога». Молящий –

значит – держащий с Ним связь. Получилось, что половина романа Достоевского, та часть его, что безгранична и бесконечна, заключилась в имени режиссера. Ну, что ж. Думаю, Достоевскому бы понравилось. Тем более что, по иронии судьбы, богомол – это еще и то самое насекомое, самка которого наиболее известна как пожирающая полового партнера прямо в минуту своей с ним сродки (о чем и Достоевский писал). Так что в имени своем, которое ведь находится на всех афишах спектакля, режиссер восстановил тот истинный размер человека – от бездны до бездны – который был заложен, заявлен и провозглашен в исходном тексте.